

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Элегия Псевдо-Овидия «Орешник»: вопросы интерпретации

основная образовательная программа бакалавриата по направлению
подготовки 45.03.01 «Филология»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Классическая филология
(древнегреческий и латинский языки; античная литература)»

очной формы обучения
Набокова Наталья Александровна

Научный руководитель:
к.ф.н. Зельченко В. В.

Рецензент:
к.ф.н., доц. Бударagina О. В.

Санкт-Петербург
2018

Содержание

Содержание.....	2
Введение.....	3
Глава 1. Общие замечания об элегии: рукописная традиция, авторство и датировка, содержание и источники.....	6
§1. Рукописная традиция.....	6
§2. Авторство и датировка.....	9
§3. Композиция и источники.....	12
Глава 2. Игры.....	19
§1. Игра с разламыванием кожуры ореха.....	19
§2. Ludus castellorum и игра с наклонной плоскостью.....	25
§3. Игра в чёт-нечет.....	32
§4. Игра в дельту.....	35
§5. Трóла.....	41
Заключение.....	43
Список использованной литературы.....	45
Приложение.....	47

Введение

В знаменитом определении классической филологии, которое дал в 1921 г. Виламовиц, задачи этой области знания определяются так: «Оживить силой науки исчезнувшую жизнь – песню поэта, мысль философа и законодателя, святость храма, чувства верующих и неверующих, пеструю деятельность рыночной площади и гавани, людей суши и моря в их трудах и *играх*».¹ Об этих последних и пойдет речь в нашей работе.

Элегия «Орешник» — стихотворение, содержащее бесценные данные о детских играх, некоторые из которых не были известны исследователям античной культуры до нахождения рукописей этого произведения. При прояснении текста и смысла соответствующих пассажей мы использовали античные источники, передающие правила детских игр, включая словари Поллукса и Суды, а также описания и упоминания тех или иных игр у древних авторов. Наряду с письменными источниками мы привлекали и изобразительные – игры с орехами запечатлены на нескольких вазах и саркофагах.

Хотя элегия «Орешник» никогда не принадлежала к числу популярных памятников римской литературы, традиция ее филологического изучения довольно представительна: комментированные издания элегии выпустили Эразм Роттердамский, П. Бурман, У. фон Виламовиц-Меллендорф, К. Ганценмюллер, С. Вартена, Р. М. Пулбрук. Занимающий нас раздел стихотворения исследовался также в монографиях Л. Бек де Фукьера, М. Фитта и другой литературе, специально посвященной античным играм.

Самый ранний комментарий «Орешника» был составлен Эразмом Роттердамским. Касаясь описанных в стихотворении игр, он проявляет

¹ *Wilamowitz-Moellendorff U. von. Geschichte der Philologie. Leipzig, 1927*³. S.1.

замечательную проницательность, а некоторые из его решений признаны с тех пор окончательными.

Издание Бурманна ценно для нас тем, что именно он сформулировал две важнейшие точки зрения на игру в дельту; в основном, однако, его комментарий компилятивен и ограничивается перечислением чужих точек зрения.

Главный недостаток издания Виламовица — одной из ранних работ великого филолога — состоит в том, что оно основано на единственной рукописи. Именно по этой причине Виламовиц исходит в отрывке об играх из ошибочных чтений, которые искажают его понимание правил этих игр.

Труд К. Ганценмюллера содержит ряд ценных текстологических догадок; кроме того, он занял смелую для его времени позицию, защищая авторство Овидия. Однако текст он заимствует у другого издателя – Эмиля Беренса, который, в свою очередь, использовал данные всего трех манускриптов.

Наиболее полным вкладом в изучение «Орешника» можно назвать комментированное издание Пулбрука: он собрал и проанализировал 68 рукописей. В то же время это издание имеет свои особенности, в том числе эксцентрические: так, Пулбрук демонстративно игнорирует родственные связи между кодексами, рассматривая их как равноценные. Его труд отличает крайняя нетерпимость к точкам зрения, не совпадающим с его собственной, и резкая критика оппонентов.

Цель нашей работы – предложить реконструкцию детских игр с орехами, описанных в элегии, основываясь на данных, полученных из текста стихотворения, других литературных источников и археологических находок.

Для выполнения этой цели мы ставим себе следующие задачи:

- 1) Установить текст строк 73–86 элегии «Орешник»;
- 2) Сформулировать правила описанных в элегии детских игр с орехами.

Первая глава содержит анализ рукописной традиции элегии «Орешник», краткий обзор мнений учёных по вопросу её авторства и датировки и общие замечания о месте, которое занимает в стихотворении интересующий нас отрывок.

Во второй главе реконструируются шесть описанных в стихотворении игр с орехами — игра с разламыванием кожуры ореха, *ludus castellorum*, игра с наклонной плоскостью, игра в дельту, игра в чёт-нечет и трóла.

Глава 1. Общие замечания об элегии: рукописная традиция, авторство и датировка, содержание и источники

§1. Рукописная традиция

Рукописная традиция «Орешника» довольно сложна. Об этой элегии практически ничего не было известно в эпоху Каролингов, а самые ранние сохранившиеся рукописи датируются XI веком. Всего на данный момент известно 68 манускриптов, содержащих текст «Орешника»². В очерке, написанном Р. Дж. Таррантом для известного справочника «Texts and Transmission»,³ самые старшими из всех рукописей названа оксфордская⁴ и флорентийская⁵, которую мы ниже для удобства будем обозначать буквой F.

Предположительно все известные нам рукописи происходят от утраченного архетипа X века. Р. М. Пулбрук в своем издании считает их равноценными: издателю «Орешника», провозглашает он, необходимо руководствоваться исключительно тем, насколько часто та или иная рукопись дает нам правильные чтения, вне зависимости от того, авторитетна ли эта рукопись и каково происхождение этих чтений. Пулбрук также убежден, что, хотя между некоторыми рукописями можно заметить определенную связь⁶, выстраивание стеммы – совершенно бесполезная трата времени, учитывая запутанность традиции⁷.

Радикально-эклектический подход Пулбрука, однако, не встретил сочувствия у рецензентов⁸. На наш взгляд, Тарранту удалось убедительно

² *Pulbrook R. M. (ed.) Ovid: Nux// Maynooth, 1985, pp. 12—15*

³ *Tarrant R. J. Nux // Texts and Transmission / Ed. L. D. Reynolds. Oxford, 1983. P. 285.*

⁴ The Bodleian Library (Oxford) MS. Auct. F.2.4, XI–XII в.

⁵ Bibliotheca Medicea Laurenziana MS. S. Marc. 223, XI в.

⁶ *Pulbrook R. M. Op. cit. P. 111.*

⁷ *Ibid. P. 28.*

⁸ Ср. в первую очередь оценку Майкла Рива: «His approach to the manuscripts is deliberately but indefensibly unhistorical» (*Reeve M. D. Ovid or an Imitator? // Classical Review. 1987. N. s. Vol. 37. P. 19*). Рив замечает, в числе прочего, что Пулбрук оперирует как самостоятельными

показать, что для оценки и выбора чтений продуктивно деление всех рукописей на два семейства: к одному относится F, к другому (α) – все другие значимые кодексы⁹. Основания для такого деления отыскиваются в ст. 31–32¹⁰, поскольку только F приводит их полностью:

audiat hoc cerasus: bacas exire vetabit;

audiat hoc ficus, stipes inanis erit.

Переписчики остальных рукописей вместо этого дистиха имели перед собой один пентаметр; лакуна возникла, вероятно, благодаря гаплографической ошибке переписчика α , взгляд которого из-за анафоры перескочил сразу на следующую строчку¹¹:

audiat hoc cerasus: stipes inanis erit.

Встретившись со столь очевидной метрической ошибкой, как два идущих кряду пентаметра, переписчики семейства α всячески старались ее исправить; однако все предложенные ими варианты так или иначе отличаются от того, что дает рукопись F¹².

Наличие этого *error separativus* устанавливает авторитет рукописи F – однако авторитет этот, конечно, не настолько абсолютен, как это казалось Виламовицу: он основывает своё издание «Орешника» исключительно на этой рукописи, называя её лучшей и в меньшей степени требующей исправлений¹³. С другой стороны, уже Беренс справедливо настаивает на том, что необходимо рассматривать несколько рукописей, помимо F, чтобы установить истину¹⁴.

свидетельствами даже такими рукописями XV в., которые списаны с ранних печатных изданий.

⁹ *Tarrant R. J.* Op. cit. P. 285–286.

¹⁰ *Richmond J.* Doubtful Works Ascribed to Ovid // ANRW. Bd II, 31, 4 (1981). P. 2759.

¹¹ *Pulbrook R. M.* Op. cit. P. 21.

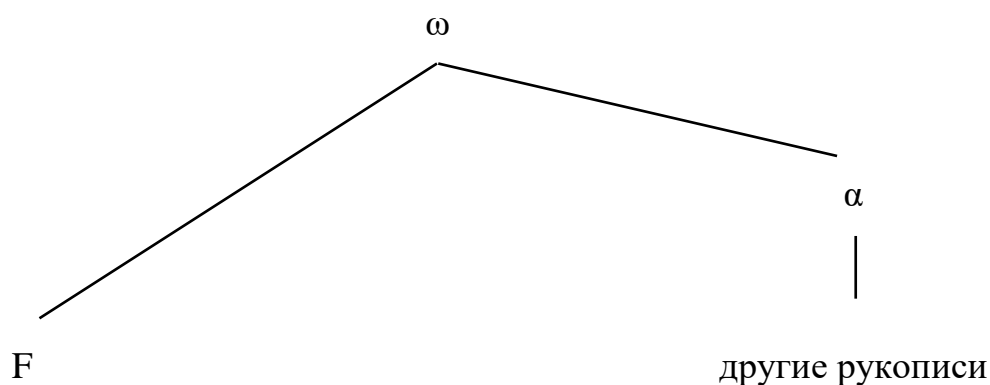
¹² *Richmond J.* Op. cit. P. 2759.

¹³ *Wilamowitz-Moellendorf U. v.* Liber Nucis // Kleine Schriften, bd. II, Berlin 1971, p. 232

¹⁴ *Baehrens E.* Poetae Latini Minores, vol. 1 // Lipsiae, 1879, pp. 88–89

Описывая семейство α , Таррант выделяет несколько входящих в него рукописей, важных, на его взгляд, для *constitutio textus*: антверпенскую¹⁵, дрезденскую¹⁶ (Таррант по ошибке назвал ее утраченной, за что подвергся непропорционально резкой критике Пулбрука)¹⁷, франкфуртскую¹⁸, а также два богатых неметрическими и иногда бессмысленными разночтениями манускрипта – ватиканский¹⁹ и амброзианский²⁰ (этот последний мы для удобства в дальнейшем будем обозначать буквой А). Пулбрук добавляет также, что большой интерес для рукописной традиции представляет итонская рукопись, богатая уникальными ошибками²¹.

Учитывая эти факты, при оценке чтений мы ориентировались на стемму рукописей «Орешника», приводимую в максимально общем виде у Тарранта:

Все манускрипты, сохранившие текст «Орешника», изобилуют ошибками и конъектурами переписчиков, иногда сильно влияющими на смысл текста, в том числе и в интересующем нас пассаже об играх.

¹⁵ Antwerp, Museum Plantin-Moretus MS. Lat. D. 68, рубеж XII–XIII вв.

¹⁶ Dresden, Sächsische Landesbibliothek MS. A 167a, XI в.

¹⁷ *Pulbrook R. M. Op. cit. P. 13, 35.*

¹⁸ Frankfurt am Main, Stadt- und Universitätsbibliothek MS. Barth. 110, XIV–XV в.

¹⁹ Biblioteca Apostolica Vaticana MS. Lat. 9991, XII в.

²⁰ Biblioteca Ambrosiana MS H 225 inf. XV в.

²¹ The Eton College Library MS. 91, XIII в.

§2. Авторство и датировка

До XVIII века автором «Орешника» традиционно считали Овидия, имя которого стоит над текстом в большинстве рукописей, и издатели не подвергали это сомнению.

Впервые в авторстве Овидия усомнились филологи XIX в. По мнению издателя «Орешника» Фридриха Линдемана (1844), элегия не могла принадлежать перу Овидия по эстетическим причинам – она написана недостаточно талантливо для него²². Сомневается в авторстве и Виламовиц: хотя стихотворению и присуща овидианская изысканность, но в нем есть и много странностей, которые не позволяют признать Овидия автором²³. Наконец Беренс в предисловии к «Орешнику» утверждает, что автор элегии «далёк от таланта и мастерства Овидия, как говорится, как до небес»²⁴.

Эти сомнения — подкреплявшиеся, как видим, скорее эффектными оценками, чем доводами — были временно развеяны в 1910 году. Карл Ганценмюллер провёл подробное исследование метрики, языка и стиля стихотворения и, приведя параллели из других произведений Овидия, показал, что текст может принадлежать поэту. В течение следующих десятилетий именно мнение Ганценмюллера считалось самым авторитетным по этому вопросу.

В 1928 году С. Вартена осторожно заметил, что проделанная Ганценмюллером работа действительно показывает большое сходство между «Орешником» и другими произведениями Овидия, но оставляет неясным, является ли причиной этого сходства единое авторство или же искусственность

²² *Lindemann F.* Nux elegia, quae inter Ofidiana circumfertur, commentario illustrata. Accedunt narrata de rebus Gymnasii superiori anno gestis. Zittaviae, 1844; нам недоступно, цит. по: *Ganzenmüller C.* Die Elegie *Nux* und ihr Verfasser. Tübingen, 1910. S. 18.

²³ *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Op. cit. S. 238.

²⁴ *Baehrens E.* Poetae Latini Minores p. 88

подражателя. По его словам, проблема усугубляется также невозможностью датировки стихотворения. Он не уверен, написана ли наша элегия Овидием незадолго до смерти, или же автором её был некто, живший немногим позже. Проводя собственный анализ метрики, лексики и стиля стихотворения, Вартена приходит к выводу, что, хотя по всем этим пунктам «Орешник» очень сильно напоминает другие произведения Овидия (пусть, по его мнению, «где-то поэту удалось сказать лучше, а где-то хуже»), нельзя с полной уверенностью утверждать, действительно ли он был автором элегии²⁵.

Тем не менее, Овидию приписывали «Орешник» до конца 1950-х годов. Ф. В. Ленц замечает, что авторство поэта подвергалось сомнению лишь на основании субъективных ощущений, согласно которым автору «Орешника» «недоставало мастерства», но никаких более существенных доказательств приведено не было²⁶. Сам Ленц убеждён, что нет никаких прямых свидетельств в пользу аттезы нет.

Ситуация резко изменилась в 1958 году, с выходом статьи А. Г. Ли «Авторство *Nux*»²⁷. Ли перечисляет 14 лингвостилистических оснований, по которым Овидий не может быть автором стихотворения. Работа Ли, содержащая множество тонких замечаний (для примера приведем одно: Овидий ни разу не использует *aliquando* в значении ‘иногда’), убедила большинство исследователей – в том числе Тарранта, который без колебаний определяет «Орешник» в раздел «Псевдо-Овидий».

Однако Ричмонд, анализируя статью Ли, осторожно замечает, что ни один из его аргументов не является неоспоримым доказательством того, что Овидий не мог написать эту элегию и занимает среднюю позицию: по его мнению, авторство Овидия сомнительно, но не невозможно²⁸.

²⁵ *Wartena S. op. cit. pp. 9—14*

²⁶ *Lenz F. W. Nux // RE Bd. XVII (1937) Sp. 1504*

²⁷ *Lee A. G. The Authorship of the Nux // Ovidiana: Recherches sur Ovide / Éd. par N. Herescu. Paris, 1958. P. 457–471.*

²⁸ *Richmond J. op. cit. pp. 2765—2767*

Пулбрук в свойственной ему резкой манере критикует каждый довод, приведенный Ли в пользу атетезы. Он убежден, что едва ли не все они на самом деле говорят в пользу авторства Овидия. По Пулбруку, высокое качество стихов «Орешника» не позволяет утверждать, что епг написал не Овидий²⁹.

Эта дискуссия является частным случаем любопытной проблемы: насколько действенны будут при оценке авторства параллели из подлинных вещей Овидия, если мы имеем дело с подражателем, ориентировавшимся на те же самые параллели? Несмотря на то, что автор стихотворения убедительно имитирует стиль Овидия, его лексика существенно беднее, риторические фигуры (например, *reductio ad absurdum* в ст. 135–142) вписаны в текст менее естественно, чем в подлинных произведениях. К тому же, как показало исследование Пулбрука³⁰, текст «Орешника» полон почти дословными цитатами из стихотворений периода изгнания, что выглядит скорее подозрительным: Овидию свойственны автореминисценции, но куда более изобретательные.

Хотя ещё переписчики некоторых рукописей полагали, что в этой элегии Овидий отождествляет себя с орешником, другие деревья с поэтами-конкурентами и поэтами-друзьями, а край поля, на котором растёт дерево, с Томами³¹, до исследования Ганценмюллера считалось, что стихотворение написано очень юным автором. Однако с тех пор, как Ганценмюллер приписал его Овидию-изгнаннику³², в вопросе датировки учёные выражают исключительное единодушие: Так, Пулбрук, проведя сравнение отрывков из «Орешника», любовных элегий, «Метаморфоз» и стихотворений периода изгнания, приходит к выводу, что «Орешник» создавался параллельно с

²⁹ *Pulbrook R. M. Op. cit. P. 29–35.*

³⁰ *Ibid. P. 35–38.*

³¹ *Richmond J. op. cit. p. 2764*

³² *Ganzenmuller C. Op. cit. S. 70–71.*

«Письмами с Понта»³³ и датирует его примерно 12 г. н. э. Даже скептик Ричмонд согласен, что если это и Овидий, то скорее поздний, чем ранний.

§3. Композиция и источники

Основной сюжет элегии — жалоба орешника на тяжёлую жизнь и на прохожих, которые камнями сбивают орехи с его ветвей, нанося дереву урон и причиняя ему страдания.

В виду дальнейшего нам необходимо сделать отступление ботанического характера. О каком именно растении идет речь? В ст. 155–158 орешник сообщает читателю интересную подробность, которая помогает нам ответить на этот вопрос:

Nostra notat fusco digitos iniuria suco
Cortice tractantis inficiente manus;
Ille cruor meus est, illo maculata cruore
Non profectura dextra lavatur aqua.

Наша обида помечает пальцы тёмным соком,
Потому что кора окрашивает прикасающиеся руки;
Это моя кровь, испачканная этой кровью
Десница впустую омывается водой.

Благодаря этой детали мы понимаем, что описанный в стихотворении орешник — дерево грецкого ореха³⁴, ведь именно его листья, кора и околоплодники (зелёная кожура, покрывающая неспелый плод) содержат много дубильных веществ, имеющих свойство в сочетании с некоторыми другими химическими веществами окрашивать предметы в тёмно-коричневый

³³ *Pulbrook R. M. Op. cit. P. 35–39.*

³⁴ *Richmond J. op. cit. p. 2760*

цвет. Об этом пишет Плиний Старший (XV, 28), едва ли не цитируя нашу элегию:

Tinguntur cortice earum lanae et rufatur capillus primum prodeuntibus nuculis; id conpertum infectis tractatu manibus (NH XV 28).

Его кожей окрашивают шерсть, а едва выросшими орешками красят в рыжий цвет волосы. Это было открыто благодаря рукам, окрасившимся от прикосновения к нему.

Отследить историю упоминания грецкого ореха в античной литературе трудно из-за того, что очень долгое время он отождествлялся с каштаном и некоторыми другими видами орехов. Наверняка нам известно только то, что он попал в Грецию из Малой Азии и поэтому носил имя персидского или царского³⁵, о чём также сообщает Плиний (*ibid.*):

Et has e perside regibus translatas indicio sunt graeca nomina: optimum quippe genus earum persicum atque basilicon vocant, et haec fuere prima nomina (NH XV 28)

Греческие названия служат доказательством того, что они были привезены для царей из Персиды. Ибо лучшие из них называются персидскими и царскими, и это были их первые названия.

Также грецкий орех и каштан называли понтийским орехом³⁶ и зевсовым жёлудем — Διὸς βάλανος:

Τιμαχίδας ἐν Γλώσσαις Διὸς βάλανόν φησι καλεῖσθαι τὸ Ποντικὸν κάρυον. (*Athen.* II 53c)

А Тимахид говорит в словаре, что зевсовым жёлудем называется понтийский орех.

³⁵ *Hehn V. Kulturpflanzen und Haustiere*// ed. O. Schrader, Berlin. 1902 p. 387

Востоковед XX в. находит этому дополнительные лингвистические подтверждения: *Lauffer B. Sino-Iranica*. Chicago, 1919. P. 254–255.

³⁶ *Hehn V. ibid.* s. 388

По-видимому, уже во время тирании Дионисия грецкий орех был известен на Сицилии³⁷: Цицерон в «Тускуланских беседах» упоминает, что Дионисий никому не доверял брить и стричь его, а потому требовал подпаливать ему волосы и бороду раскалёнными скорлупками грецкого ореха³⁸.

Латинское же название грецкого ореха — *iuglans* (у Варрона также *iugulans*³⁹) — предположительно является производным от *Iovis glans*, т. е. калькой с греческого⁴⁰. В то же время о грецком орехе ничего не известно Катону;⁴¹ его первое упоминание в специальной литературе мы находим у Варрона, но и он не даёт нам никаких подробных сведений.

Композиционно элегию можно разделить на пять частей:

1. 1—56: в меня, придорожный орешник,⁴² живущий безупречной жизнью, прохожие бросают камни, будто в преступника, однако единственное моё преступление — плодородие, и если бы я не приносил плодов, моя жизнь была бы гораздо легче, ведь бесплодные деревья не терпят таких страданий, какие терплю я;
2. 57—86: хотя мне не требуется особая забота — довольно даже необработанного клочка земли у дороги и не нужно много воды, — я приношу немало пользы: хозяйка подбирает мои орехи, чтобы подать к обеду, а дети играют с ними в разные игры;
3. 86—132: хорошо бы было приносить плоды только одному хозяину, который взамен заботился бы обо мне, но я стою рядом с

³⁷ *Schneider K. ibidem*

³⁸ *Cic. Tusc. V 58*

³⁹ *Varr. R.R. I, 16,6; 59, 3)*

⁴⁰ *Schneider K. Juglans// RE Bd. IX (1916) Sp. 2508*

⁴¹ *Schneider K. Ibid. Sp. 2508.*

⁴² Просим читателя помнить, что по-латыни *nix* – женского рода, так что все сетования в стихотворении звучат «от женского имени».

дорогой, и поэтому все кидают в меня камни, как только завидят, что орехи появились на моих ветвях; так плохо со мной обращаются не только прохожие, но и хозяин поля, которое расположено у дороги, ведь камни, которые кидают в меня, попадают и на его борозду;

4. 133—158: некоторые люди уверены, что можно брать всё, находящееся не на частной территории; раз так, пусть каждый хватает всё, что только увидит — деньги, кубки и драгоценные камни; этого, однако, не случится, потому что Цезарь издал соответствующие законы, впрочем, эти законы никак не помогают мне, поэтому я сам крашу руки воров своим соком, чтобы их можно было уличить в краже;
5. 159—182: я так устал от страданий, которые мне причиняют прохожие, что молю смерть об избавлении, прошу сжечь или срубить меня, если я в чём-то провинился, а если за мной нет никакой вины, пусть путник проявит жалость ко мне и пройдёт мимо.

Источником, на который мог опираться автор стихотворения традиционно считают приписываемую Антипатру Фессалонийскому эпиграмму *AP IX, 3*, в которой орешник так же жалуется на побои⁴³:

Εἰνοδίην καρύην με περερχομένοις ἐφύτευσαν
 παισὶ λιθοβλήτου παίγνιον εὐστοχίης·
πάντας δ' ἀκρεμόνας τε καὶ εὐθαλέας ὀροδάμνους
 κέκλασμαι πυκναῖς χερμάσι βαλλομένη·
 δένδρεσιν εὐκάρποις οὐδὲν πλέον· ἧ γὰρ ἔγωγε
δυσδαίμων ἐς ἐμὴν ὕβριν ἐκαρποφόρου. (*AP IX, 3*)

⁴³ См., напр.: *Lenz F. W. Op. cit. Sp.1503.*

Меня, придорожный орешник, посадили игрушкой
Проходим детям, чтобы они метали камнем в цель.
Все сучья и прекрасно цветущие ветви
У меня, в которого бросают частыми камнями, сломаны.
Такова доля деревьев, приносящих прекрасные плоды –
А я, несчастный, вздумал плодоносить себе же на поругание!

Образцом же этой эпиграммы, вероятнее всего, послужила одна из басен Эзопа⁴⁴:

Καρύα, παρά τινα ὁδὸν οὔσα καὶ ὑπὸ τῶν παριόντων λίθοις βαλλομένη, στενάξασα πρὸς ἑαυτὴν εἶπεν· «Ἀθλία εἰμὶ ἐγώ, ἥτις κατ' ἐνιαυτὸν ἐμαυτῇ ὕβρεις καὶ λύπας παρέχω». Ο λόγος πρὸς τοὺς ἐπὶ τῶν ιδίων ἀγαθῶν λυπούμενος.⁴⁵

Орешник, растущий у некоей дороги, в который кидали камнями прохожие, сказал себе, застонав: «Как же я несчастен! Ежегодно самому себе я приношу обиды и печали». Это басня о тех, кто страдает из-за собственного добра.

Вартена (заметивший, что содержание «Орешника» не полностью повторяет содержание эпиграммы Антипатра: в эпиграмме орешнику вредят дети, а в «Орешнике», как и у Эзопа, в него кидают камнями прохожие) проводит подробное исследование лексики и синтаксиса элегии. Вывод его таков: автор элегии отталкивался от некоей эпиграммы. Это могла быть или неизвестная нам эпиграмма, также восходящая к басне Эзопа, или же стихотворение Антипатра, в котором автор, вспомнив о басне, сознательно заменил мальчишек на прохожих⁴⁶.

В этом написанном по эллинистическому образцу стихотворении нашлось место и для александрийского учёного каталога в миниатюре.

⁴⁴ *Wartena S. op. cit. p. 2*

⁴⁵ *Fables D'Esop/ ed. E. Chambry, Paris, 1927, pp. 67—68*

⁴⁶ *Wartena S. Op. cit. P. 3–7.*

Помимо жалоб орешника на несправедливость судьбы элегия также содержит семь дистихов (ст. 73—86), посвящённых играм, в которые дети играют, сбив орехи с веток дерева. Некоторые из этих игр известны и из других источников, а некоторые (*ludus castellorum*, игра с наклонной плоскостью и игра в дельту) не встречаются больше нигде в литературе.

Каталог игр, на первый взгляд нарушающий тематическое и интонационное единство элегии, отвечает сразу двум характерным особенностям александрийской поэзии. С одной стороны, это любовь к дидактическому эпосу, к облечению в изящную стихотворную форму специальных сведений из самых «непоэтических» областей знания. С другой стороны, это сентиментальный интерес к миру детства, проявляющийся в эллинистическом искусстве столь же интенсивно, что и в литературе.⁴⁷

В самом деле, подробное описание детской игры внутри большой повествовательной структуры мы впервые встречаем на самой заре эллинизма – в поэме Эринны «Прялка» (середина IV в. до н. э.), где, судя по папирусному фрагменту, был эпизод девичьей игры в «черепяху», включающий игровую считалку, переложенную гекзаметрами⁴⁸. Далее обращает на себя внимание сцена игры в бабки маленьких Эрота и Ганимеда в «Аргонавтике» Аполлония⁴⁹, встроенная в эпический сюжет на правах своеобразной ретардации: мы видим, как Эрот, раскрасневшийся от азарта игры, прижимает кулачок с бабками к груди, а разозленный удачливостью противника Ганимед молча бросает на кон последние две бабки, но проигрывает и их и, понурый, уходит.

⁴⁷ См. об этом: *Herter H.* Das Kind im Zeitalter des Hellenismus // *Bonner Jahrbücher*. 1927. Bd 132. S. 250–258; *Fowler B. H.* The Hellenistic Aesthetic. Bristol, 1989. P. 18–19, 45–46, 126–127.

⁴⁸ Fr. 401, 5–17 SH; *Neri C.* Cambio di ritmo: *Erinna* SH. 401. 14 sqq. e *Carm. pop.* fr. 30 (c) // *Prometheus*. 1998. Vol. 24. P. 19–24.

⁴⁹ III, 117–127.

Укажем, что подробные «ученые» вставки, посвященные играм, встречаются в двух подлинных произведениях Овидия – «Науке любви»⁵⁰ и «Скорбных элегиях»⁵¹. Оба эти отрывка содержат длинное перечисление разнообразных настольных игр: в первом случае в них надлежит уметь играть девушке, желающей найти любовь; второй пассаж особенно интересен, так как свидетельствует, что этим играм в римской литературе августовской эпохи были посвящены особые дидактические поэмы.⁵²

Так автор «Орешника», вслед за Овидием, объединяет две характерные для александрийской поэзии черты – ученый каталог и бытовую картинку – на пространстве небольшого отрывка. Его текст и будет предметом нашего интереса.

⁵⁰ AA III, 353–366.

⁵¹ *Trist.* II, 471–486.

⁵² Ср. также *Laus Pis.* 192–208.

Глава 2. Игры.

Игры с орехами обыкновенно считали забавой для маленьких детей или для людей совсем несерьёзных. Так, например, в одной из басен Федра проходящий мимо афинянин обсмеивает Эзопа, играющего с детьми в орехи⁵³, в «Диалогах Богов» Лукиана Гера упрекает Зевса за то, что он в его годы, с такой большой бородой, играет в кости с Ганимедом, как маленький⁵⁴, у Персия⁵⁵ и Марциала⁵⁶ выражение «оставить орехи» иногда значит «стать серьёзным»⁵⁷. Марциал, впрочем, считает также, что от игры в орехи нет особого вреда, как и пользы⁵⁸. Сервий в комментарии к восьмой эклоге Вергилия также сообщает, что существовал некий обычай, согласно которому жених на свадьбе разбрасывал орехи в знак прощания с детством⁵⁹. К детским играм, в которые можно играть при помощи орехов, мы и обратимся в этой главе.

§1. Игра с разламыванием кожуры ореха

Has puer aut certo rectas dilaminat ictu

Aut pronas digito bisve semelve petit.

Мальчик или очищает их, стоящих прямо, от кожуры точным ударом,

Или, лежащие на земле, ударяет пальцем раз или два.

⁵³ Phaedr. III, 14

⁵⁴ Luc. D. Deor. V, 2

⁵⁵ Pers. I, 10

⁵⁶ Mart. V, 84

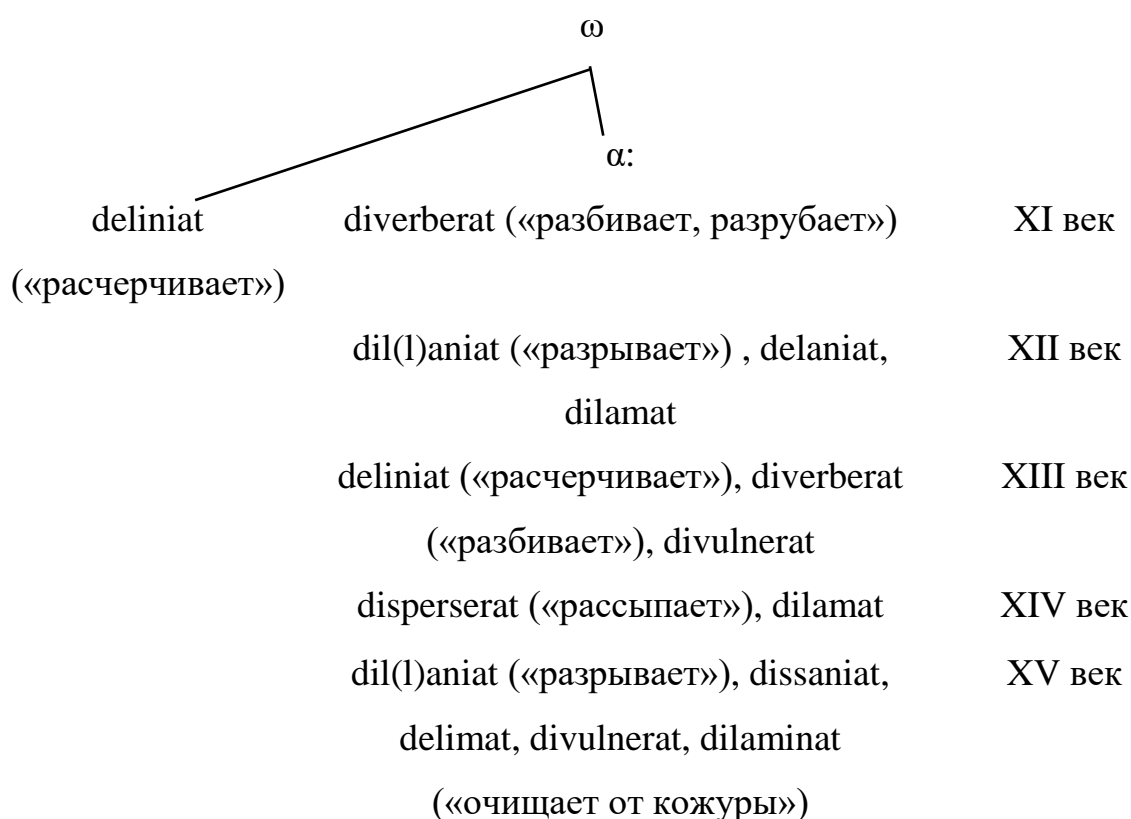
⁵⁷ В эпиграмме XIV, 185 он также говорит, что «после орехов нельзя *arma virumque* читать» — то есть, опять же, что игра в орехи не способствует серьёзным рассуждениям

⁵⁸ Mart. XIII, 1; XIV, 19

⁵⁹ P. Virgilii Maronis Opera, tom. 1 / ed. P. Masvicius. Venetiis, 1736, p. 77

В строках 73—74 содержится описание простой детской игры, содержащее интересный гапакс, прошедший сложный путь от бессмысленных и ошибочных исправлений до верного варианта.

Гапакс *dilaminat* встречается в четырёх⁶⁰ рукописях семейства α , а в рукописи F на его месте стоит лишённый в данном контексте смысла глагол *deliniat* — «расчерчивает». Такое чтение встречается и одной из рукописей⁶¹ семейства α . Если расположить известные нам варианты хронологически внутри приблизительной стеммы, получится примерно следующее:

Исходя из распределения вариантов, мы можем предположить, что как в архетипе, так и в рукописи, от которой происходит семейство α , стояло не

⁶⁰A, Florence (Bibliotheca Medicea Laurenziana, Florence) MS. Plut.36.2 15 век, Madrid (Bibliotheca Nacional, Calvo Sotelo 22, Madrid 1) MS. Res.206 15 век, Olten (private collection) 15 век

⁶¹Göttingen (Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek) MS. philol. 127, 13 век

имеющее в данном контексте смысла *deliniat*, ведь оно встречается и в отдельно стоящей рукописи F, и в одной из рукописей семейства α.

Некоторые из этих вариантов появились из-за того, что переписчик, встретившись с незнакомым, или бессмысленным, или метрически неподходящим словом, попытался подобрать подходящую по смыслу замену, не забываясь о внешней схожести с тем, что увидел в рукописи (*disperserat*), или же пытаясь исправить на достаточно похожее и имеющее в контексте смысл (*dilaniat*), некоторые — из-за ошибки переписчика, который увидел несколькими строками выше совершенно другое слово, но по какой-то причине вписал его в эту строку (в строке 69 содержится слово *verbera*, и переписчик, случайно на него взглянув, мог написать *diverberat* уже в другой строке по какой-либо причине)⁶², некоторые — из-за ошибки переписчика при прочтении минускульного текста (так, вероятнее всего, *deliniat* превратилось в *delimat*, *dilaniat* или *dillaniat* в *delaniat*, *dilamat* и *dissaniat*, *diverberat* в *divulnerat* (среди известных нам рукописей впервые этот вариант встретился в итонской рукописи)).

Но некоторые из переписчиков догадались, каким глаголом можно заменить стоявшее в рукописи не подходящее по смыслу слово, чтобы было похоже внешне, и так появился вариант *dilaminat*. Впервые чтение *dilaminat* было отмечено в комментарии Эразма Роттердамского. «Нисколько не сомневаюсь, — пишет он, — что Овидий написал бы этот стих так: “*Has puer aut certo rectas dilaminat ictu*” Ведь он сказал *dilaminare* вместо «разделять на две скорлупки». Получается, с помощью стольких совершённых ударов орех разламывается на две части. ... Ведь глагол разрывания, который прочитывается и в Альдинских кодексах, отвергается смыслом стиха».⁶³

⁶² *Pulbrook R. M. op. cit. p. 20*

⁶³ *Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami recognita et adnotatione critica instructa notisque illustrata// Amsterdam, 1969, pp. 163—164*

Принятая им конъектура переписчика до сих пор поддерживается издателями как наиболее подходящая по смыслу. Нам неизвестно, пришёл ли он к этой мысли самостоятельно или изучив рукописи, но, судя по тому, что Виламовитц выносит *dilaminat* в аппарат как конъектуру Эразма⁶⁴, на момент написания своей статьи он о существовании этих рукописей мог и не знать.

Наш гапакс *dilaminat* устроен следующим образом: этот глагол состоит из двух частей — приставки *dis-* (обозначает разделение, , разъединение, перед *l-* переходит в *di-*) и корня существительного *lamina*, имеющего следующее значение — «не отвердевшая ещё ореховая скорлупа», «the tender shell of an unripe nut»⁶⁵. В 95 строке нашей элегии *lamina* описывается прилагательным *mollis*.

Подобным образом — соединением приставки со значением отделения и корня слова, обозначающего отделяемый объект — устроены и другие слова, означающие очищение чего-то от кожи или скорлупы: *delibrare* (*de-* + *liber* («луб, лыко» — очищать от лыка), *decoriare* (*de-* + *corium* («кожа, кора, оболочка, верхний слой» — очищать от кожи, коры, оболочки), *decorticare* (*de-* + *cortex* («древесная кора, скорлупа») — очищать от коры, скорлупы), *depilare* (*de-* + *pilus* («волос») — лишать волос) и *desquamare* (*de-* + *squama* («чешуя, кожица, шелуха») — очищать от чешуи, кожицы, шелухи). Интересно то, что образованы они в основном с помощью приставки *de-*, означающей устранение и лишение чего-либо, возможно, более правильным было бы чтение *delaminat*.

Эразм подозревает, что описанные в этой строке действия — это некая игра, и описывает её правила так: «Imponitur index sinistrae mali pedunculo, et in hunc pugnus dexter supito impingitur. In impetus ac celeritate sita est victoria»⁶⁶.

⁶⁴ Wilamowitz-Moellendorf *U. v. Liber Nucis*// Kleine Schriften, bd. II, Berlin 1971, p. 235

⁶⁵ A Latin Dictionary. Founded on Andrews' edition of Freund's Latin dictionary. revised, enlarged, and in great part rewritten by. Charlton T. Lewis, Ph.D. and. Charles Short, LL.D. Oxford. Clarendon Press. 1879

⁶⁶ Erasmus, op. cit. p. 164

Виламовитц же комментирует это место так: «Говорится, что мальчики или *dilaminare*, то есть, бьют бороздку ореха точным ударом, орехи, поставленные прямо, или разламывают их, лежащие горизонтально, сколько угодно повторяющимися ударами пальцев. Я легко сделал первое, второе же я пытался сделать и большим, и указательным пальцем, но это превзошло мои силы, однако я видел, как это делается нежнейшими руками прекраснейших матерей»⁶⁷.

Однако, по-видимому, никто из них не принимал во внимание, что играющие дети раскалывают пальцами вовсе не косточку ореха, что достаточно непросто сделать даже взрослому человеку. У незрелых грецких орехов содержащая съедобное ядро косточка, которую обычно считают плодом, покрыта так называемым околоплодником — плотной кожурой зелёного цвета, которая лопается, когда орех созревает. Именно эту кожуру несложно счистить с помощью одних только рук, поскольку она довольно тонкая и мягкая (в строке 95 *lamina* описывается прилагательным *mollis*) и, к тому же, имеет бороздки, надавив на которые можно легко разделить её на части, что доказывается действиями туристов, которых легко можно застать за подобным занятием в средиземноморских странах.

К тому же, плоды грецкого ореха имеют вытянутую форму, поэтому их можно и поставить вертикально, и положить на бок, на чём и сходится большинство рукописей, придерживаясь чтения *rectas ... pronas*⁶⁸. Однако в одной из рукописей⁶⁹ семейства α , вероятнее всего появившееся из-за ошибки переписчика — транспозиции⁷⁰ — содержится вариант *pronus ... rectus*. Этому чтению удалось смутить некоторых издателей, и поэтому Райли, автор английского прозаического перевода с комментарием, ошибочно переводит это место следующим образом: «Мальчик или разбивает их верным ударом,

⁶⁷ *Wilamowitz-Moellendorf U. v. op. cit. p. 241*

⁶⁸ *Pulbrook R. M. op. cit. p. 53*

⁶⁹ Paris (Bibliothèque de l' Arsenal) MS. 898. 15 век

⁷⁰ *Pulbrook R. M. op. cit. p. 19*

стоя прямо, или бьёт раз или два пальцами, лёжа на земле»⁷¹ и в комментарии на той же странице добавляет, что таким образом (с силой ударяя орехи об землю или же щёлкая их пальцами, распластавшись на полу) дети хотели очистить орехи перед тем, как начинать играть ими в какие-либо игры. Мы не можем поддержать его точку зрения, потому что для того, чтобы очистить орех от кожуры, покрывающей его, совершенно не обязательно бросать его на землю, чего скорее всего не учёл Райли, который наверняка полагал, что речь идёт о твёрдой скорлупе, которую тяжело разломить рукой, а идея о том, что нужно было лечь на землю и после этого пытаться расколоть орех ударами пальцев, сомнительна сама по себе, поскольку такой способ очищения орехов, на наш взгляд, малоэффективен.

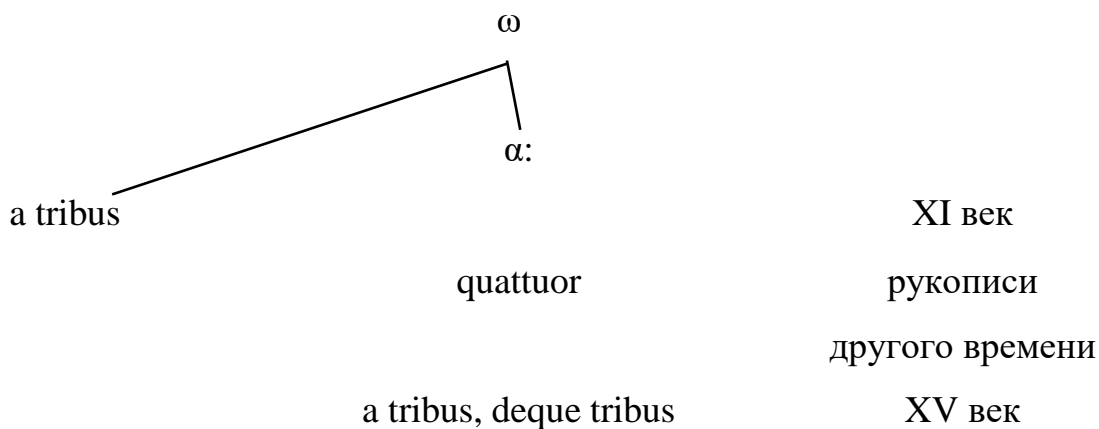
⁷¹ *Riley H. T. The Heroides, The Amours, Art of Love, Remedy of Love, and Minor Works of Ovid / London, 1852 p. 497*

§2. Ludus castellorum и игра с наклонной плоскостью

*Quattuor in nucibus, non amplius, alea tota est,
Cum sibi suppositis additur una tribus;
Per tabulae clivum labi iubet alter et optat
Tangat ut e multis quaelibet una suam.*

*Вся ставка состоит в четырёх, не более, орехах,
Когда один добавляется к трём, лежащим под ним;
Другой велит катиться по наклону стола и желает,
Чтобы какой-нибудь один из многих коснулся его собственного.*

В строке 75 мы встречаемся с интереснейшим разночтением: в то время, как в большинстве рукописей стоит *quattuor in nucibus*, в двух авторитетных рукописях — F и A — мы видим *a tribus in nucibus*, также в одной из рукописей семейства α ⁷² встречается *deque tribus nucibus*. Большинство комментаторов никак не отзываются об этом разночтении: Ганценмюллер лишь сухо замечает, что «необходимо, разумеется, читать *quattuor*»⁷³, Пулбрук предполагает, что, вероятно, текст в этом месте был испорчен глоссой⁷⁴. Итак, для этого разночтения стемму можно выстроить так:

⁷² London (Library of the British Museum) MS. Sloane 777, 15 век

⁷³ Ganzenmüller C. op. cit. p. 12

⁷⁴ Pulbrook R. M. op. cit. p. 24

Как и в случае со встретившимся нам ранее гапаксом *dilaminat*, мы могли бы предположить, что, поскольку вариант *a tribus* встречается и в рукописях семейства α , и в отдельно стоящей рукописи F, в архетипе также стояло *a tribus*. Однако, как было сказано выше, миланская рукопись 225 иногда соглашается с допущенными в F ошибками, что особо отмечает Террент именно для этого места⁷⁵. Поэтому мы предполагаем, что в архетипе всё-таки был вариант без ошибки — *quattuor*, тем более, что именно его приняло подавляющее большинство рукописей и почти все издатели.

Интереснее всего происхождение такого серьёзного разночтения. Мы предполагаем, что причиной его стала ошибка переписчика при чтении минускульного текста. Дело в том, что цифра 4 могла представляться на письме не только как *iv*, но и как *iiii*. Если предположить, что в архетипе четвёрка была представлена именно таким образом, выходит, что строка 75 в рукописи выглядела приблизительно так:

iiiiinnucibusnonampliusaleatotæst

Как видно даже из нашего не вполне точного примера, в обилии букв *i* очень легко запутаться взглядом, что, скорее всего, и произошло с переписчиком, который, как мы считаем, вместо первых двух *i* прочёл и переписал *a*, после чего или запутался в оставшихся *i* окончательно, или счёл вариант *duobus* неметрическим и заменил его на *tribus*.

Хотя мы, не имея доступа к рукописям и не будучи способными достоверно установить степень их родства, можем лишь строить догадки, вариант *deque tribus nucibus*, по нашему мнению, также происходит из неверного подсчёта переписчиком букв *i* в исходном манускрипте. Мы предполагаем, что он, насчитав их три вместо четырёх, а также пропустив одну

⁷⁵ Tarrant R. J. op. cit. p. 286

из букв *n* в строке, дополнил не соответствующую метрике строку подходящим по смыслу предлогом *de* и, так как даже это не соответствовало метрике, добавил к *de* соединительную частичку *–que*.

Отдельно следует отметить две конъектуры, сделанные в строке 75 Виладомовитцем: основываясь на рукописи F как на более правильной на его взгляд, но всё же относясь к ней критически, *a tribus* он заменяет на *aut tribus*, а *alea* на *area*. Следовательно, смысл дистиха меняется с «в орехах вся игра от трёх, не более, когда один добавляется к трём, расположенным под ним» на «или в трёх, не более, орехах вся плоскость, когда один добавляется к трём, расположенным под ним». Сам Виладомовитц свою конъектуру никак не комментирует. Ганценмюллер же отзывается о первой из этих конъектур как о невозможной с точки зрения здравого смысла, а о второй как о неудачной⁷⁶. Вартена объясняет причины своего несогласия с Виладомовитцем более подробно: по его мнению, конъектуру *aut tribus* вызвало несогласие Виладомовитца с содержащимся в тексте рукописи ошибочным вариантом, а вторую конъектуру он называет попросту ненужной⁷⁷. Мы так же, как и Вартена, не согласны с предложенными Виладомовитцем конъектурами по той причине, что первая из них основана на варианте, возникшем в результате ошибки, и не исправляет его, а вторая из них не соответствует смыслу строки.

Слово *area* имеет следующие значения: «свободное от зданий открытое место, гумно, садовый участок, соляная яма, лысина, плоскость (геометрическая), место действия»⁷⁸. В значении «геометрическая плоскость» слово *area* встречается, например, у Витрувия⁷⁹, Колумеллы⁸⁰, Квинтилиана⁸¹ и Боэция⁸². Можно предположить, что Виладомовитц имел в виду, что перед

⁷⁶ «F hat *a tribus* <...> woraus W(ilandowitz) *aut tribus* macht, das dem Sinne nach unmöglich ist. Auch seine Konjektur *area* statt *alea* ist verfehlt» — *Ganzenmüller C. op. cit.* p. 14

⁷⁷ *Wartena S. op. cit.* p. 63

⁷⁸ OLD стр. 166

⁷⁹ *Vitr.* III 1, 3; VI 9, 4; IX pr. 4, 5, 6, 7

⁸⁰ *Colum.* V 2, 7; V 1, 4

⁸¹ *Quint. Inst.* I 10, 43

⁸² *Boet. Geom.* p. 401,17; p. 404, 18

началом игры три ореха выкладывались в плоскость — треугольник, что, безусловно, справедливо, однако, по нашему мнению, слово *alea*, имеющее значение «азартная игра» и, изредка⁸³, «ставка в азартной игре», подходит смыслу дистиха гораздо больше.

Саму эту игру исследователи называют *ludus castellorum*. Сведений о ней крайне мало, название же, по предположению А. Хуга,⁸⁴ восстановлено по короткому упоминанию в *Historia Augusta*,⁸⁵ хотя Фульвий Урсин в комментарии к жизнеописанию Октавиана Августа, написанному Светонием⁸⁶, довольно категорично заявляет, что действия Галлиена ничего общего с этой игрой не имели⁸⁷. Других упоминаний об этой игре в дошедшей до нас литературе нет. Бек де Фукьер⁸⁸ и, вслед за ним, Вартена⁸⁹, стараясь восстановить правила этой игры только с помощью текста стихотворения, пришли к ошибочному выводу, что целью игры было составить *castellum* из четырёх орехов, бросив один сверху на три, выложенные треугольником на земле. К счастью, до наших дней сохранилось изображение игры на детском саркофаге III в. н.э. (Рис. 1), благодаря которому возможно восстановить правила игры⁹⁰.

⁸³ Mart. IV 66; XIV 15, 19

⁸⁴ Hug A. Spiele// RE Bd. 3A (1929) Sp. 1769

⁸⁵ Treb. Poll. Gall. II 16, 2: *ac ne eius praetereatur miseranda sollertia, veris tempore cubicula de rosis fecit. de pomis castella composuit.* — «И, чтобы его достойное жалости мастерство не обходилось стороной, он во время весны делал ложа из роз, складывал крепостцы из яблок».

⁸⁶ Мы имеем в виду 83 главу жизнеописания Октавиана, в которой описывается его досуг и, в частности, то, что он «*animi laxandi causa modo piscabatur hamo, modo talis aut ocellatis nucibusque ludebat cum pueris minutis...*», то есть, «для расслабления души то удил рыбу крючком, то играл с маленькими детьми в камушки и орехи». Бироальд сохранил в этом отрывке альтернативное чтение *castellatis nucibus ludebat*, то есть, согласно его версии, Октавиан играл с детьми как раз в *ludus castellorum*.

⁸⁷ C. Suetonius Tranquillus, cum notis integris Io. Bapt. Egnatii, Henrici Glareani, Laevini Torrentii, Fulvii Ursini, Isacii Casauboni, Iani Gruteri, Theod. Marcilii, Ioannis Georgii Graevii, Caroli Patini curante Petro Burmanno//Amstelodam, 1736 pp. 423—424

⁸⁸ Becq de Fouquieres L. Les jeux des anciens// Paris, 1869 pp. 121—122

⁸⁹ Wartena S. op. cit. p. 63

⁹⁰ Hug A. op. cit. sp. 1769

На рельефе изображены три группы детей: пять девочек справа готовятся к игре — они складывают орехи в треугольники на земле, а сверху кладут четвёртый, — в центре изображены два дерущихся ребёнка, остальные же дети заняты непосредственно игрой — мы видим, как один из них, расположившись на некотором расстоянии от уже готовых *castella*, собирается бросить в них ещё один, пятый, орех. Целью игры, очевидно, было разрушение *castellum*.

Эразм в своём комментарии ёмко формулирует правила игры следующим образом: «Если собьёшь один, расположенный на трёх других, унесёшь с собой четыре»⁹¹. Он также выражает удивление тем, что у Поллукса, сохранившего много сведений об античных играх, ничего не сказано именно об этой игре.

В следующем дистихе описана ещё одна игра, правила которой, как и в случае с *ludus castellorum*, мы восстанавливаем благодаря дошедшим изображениям⁹² и непосредственно тексту стихотворения. До наших дней сохранились два рельефа (Рис. 2 и 3), на которых мы видим детей и амуров, занятых этой игрой.

Однако, эти изображения дают нам возможность интерпретировать правила игры немного по-разному. На Рис. 3 один из амуров запускает свой игральный камушек по наклонной плоскости в сторону трёх других, лежащих на земле. Такого мнения придерживается Эразм, формулирующий правила игры так: «Это другой вид игры, где орех катится вниз по наклонной плоскости по направлению к ряду расставленных орехов. Если он коснётся того, которого нужно, выигрывает тот, кто этот орех пустил»⁹³. Его точку зрения поддерживает Вартена, сообщающий нам, что для этой игры дети брали дощечку, ставили её под наклоном и по очереди катили по ней орехи, а

⁹¹ *Erasmus* op. cit. p. 164

⁹² *Hug A.* ibidem

⁹³ *Erasmus* ibidem

целью игры было задеть какой-нибудь из лежащих на земле (пущенных предыдущими игроками) орехов⁹⁴.

На Рис. 2 же изображено, что один из детей готовится запустить свой камушек или орех по направлению к сложенному другим ребёнком *castellum*. На этом основании Фитта предполагает, что скатывание орехов по наклонной плоскости было не отдельной игрой, а способом усложнить *ludus castellorum*⁹⁵.

С другой стороны, Пулбрук убежден, что в этих двух дистихах речь идёт вовсе не о двух, а об одной игре. Он критикует позицию своих предшественников, разделявших *ludus castellorum* и игру с наклонной плоскостью, и утверждает, что они ошибочно принимали *tabulae clivum* за доску для игры, в то время как на самом деле это сказано в переносном смысле, «так же, как мы говорим о верхнем и нижнем крае бильярдного стола, хотя он плоский». Следовательно, по словам Пулбрука, пространство, на котором играют в *ludus castellorum*, «наклоняется» в ту сторону, где расположен *castellum*, потому что именно в эту сторону игрок должен как бы сверху вниз совершить бросок. И для того, чтобы текст стихотворения согласовывался с его мнением, он, признавая *una* в строке 78, ошибкой, допущенной переписчиком из-за того, что точно такое же слово содержится в строке 76, заменяет его на *sua* и реконструирует игру следующим образом: «другой игрок приказывает, чтобы игра началась, а тот, кто бросает орех надеется, что попадёт своим в какой-либо из *castellum*, расставленных внизу игрового поля»⁹⁶.

Его точка зрения, несомненно, самобытна, однако мы не можем с ней согласиться, поскольку даже если предположить, что в строках 75—78 описана только одна игра, против этой версии говорит употребление автором слова *tangat*: учитывая то, что смысл игры — разрушить *castellum*, это явное

⁹⁴ Wartena S. op. cit. p. 64

⁹⁵ Fitta M. Spiele und Spielzeug in der Antike: Unterhaltung und Vergnügen im Altertum//aus dem Ital. übers. von Homann C., Stuttgart, 1998, p. 11

⁹⁶ Pulbrook R. M. op. cit. pp. 90—91

преуменьшение. К тому же, сохранившиеся изображения явно показывают, что такая игра всё-таки существовала.

§3. Игра в чёт-нечет

Est etiam par sit numerus qui dicat an impar,

Ut divinatas auferat augur opes.

Есть так же тот, кто говорит, чётное число или нечётное,

Подобно авгуру, он может унести угаданные богатства.

В строках 79—80 описана популярная как у греков, так и у римлян, игра в чёт-нечет, у первых называвшаяся ἄρτιασμός, а у вторых — *par impar*. Бек де Фукьер замечает также, что по-гречески эту игру иногда также называли πόσινδα⁹⁷, и добавляет, что это название произошло от задаваемого одним из игроков вопроса πόσα — «сколько»⁹⁸.

Этот вопрос задавал игрок, который тайком от второго брал в руки несколько маленьких предметов — Поллукс отмечает, что это могли быть как игральные кости, так и камушки, бобы, разнообразные орехи и жёлуди⁹⁹, — а второй игрок должен был ему ответить, чётное (ἄρτια/*par*) число предметов он держит в руках или нечётное (περιττά/*impar*). Для того, чтобы играть в эту игру, по убеждению Поллукса, необходимо было иметь *divinationem parium et imparium*¹⁰⁰ — «чувство чётного и нечётного». Если он угадывал, то предметы, которые держал его противник, игрок брал себе, в случае же неудачи отдавал столько же своих¹⁰¹.

Игра эта, ввиду своей простоты, была очень распространена, особенно среди детей. Из «Естественной Истории» Плиния Старшего нам известно, что во дворе императора Тита стояла исполненная Поликлетом статуя,

⁹⁷ Xen. Eq. Mag. V, 10

⁹⁸ *Becq de Fouquieres L. op. cit. p. 287*

⁹⁹ Pollux IX, 101

¹⁰⁰ Pollux ibidem

¹⁰¹ *Becq de Fouquieres L. op. cit. p. 284*

изображающая играющих в эту игру детей¹⁰². В «Диалогах Богов» Лукиана Самосатского Зевс уговаривает Ганимеда остаться жить на небесах, обещая ему много костей для игры и товарища — Эрота¹⁰³. В «Аргонавтике» же Аполлония Родосского мы даже можем понаблюдать за их игрой (Apol. Rhod. III 117—127).

Другую деталь игры мы узнаём от Платона: иногда для того, чтобы игрок никак не мог подсмотреть, сколько предметов берёт в руки его оппонент, использовали большие корзины:

οἱ μὲν οὖν πολλοὶ ἐν τῇ αὐλῇ ἔπαιζον ἔξω, οἱ δὲ τινες τοῦ ἀποδυτηρίου ἐν γωνίᾳ ἠρτίαζον ἀστραγάλοις παμπόλλοις, ἐκ φορμίσκων τινῶν προαιρούμενοι:
(Pl. Lisis 206e)

Многие из них играли снаружи во дворе, а другие в углу комнаты для раздевания играли в чёт-нечёт большим числом костей, вынимая их из корзинки.

В чёт-нечёт играли не только дети, но и взрослые, и иногда в игре в чёт-нечёт на кон ставились не только камушки или орехи, но и деньги, что превращало детскую забаву в самую настоящую азартную игру. Об этом есть упоминание у Аристофана:

στατῆρσι δ' οἱ θεράποντες ἀρτίαζομεν
χρυσοῖς ... (Aristoph. Plut. 816—817)

А мы, рабы, играем в чёт-нечёт золотыми статерами...

Также Октавиан в сохранённой у Светония записке к дочери пишет следующее:

Misi tibi denarios ducenos quinquaginta, quos singulis convivis dederam, si vellent inter se inter cenam vel talis, vel par impar ludere. (Suet. Oct. 71)

¹⁰² Plin. N.H. XXXIV, 23

¹⁰³ Luc. Dial. Deor. 5

Я послал тебе двести пятьдесят денариев, которые дал и каждому из гостей, если за обедом они захотят поиграть или в кости, или в чёт-нечет.

Как и в любой азартной игре, игроки в чёт-нечет иногда жульничали:

ὁπότε γὰρ καὶ οἱ παῖδες, ὅταν παίζωσι ποσίνδα, δύνανται ἀπατᾶν προΐσχοντες ὥστε ὀλίγους τ' ἔχοντες πολλοὺς δοκεῖν ἔχειν καὶ πολλοὺς προέχοντες ὀλίγους φαίνεσθαι ἔχειν ... (Хен. Eq. Mag. V, 10)

Ведь даже дети, когда играют в чёт-нечет, способны, взяв кости, обманом заставить думать, что у них много (в руке), имея мало, и, держа много, сделать, чтоб показалось, что мало...

Как мы видим из этого отрывка, жульничество заключалось в том, чтобы притвориться, будто предметов в руку взято совершенно другое число, нежели на самом деле. Вероятно, так можно было смутить противника и заставить его мучиться предположениями о том, сколько примерно предметов держит в руке игрок, и таким образом заставить ошибиться.

Отношение к этой игре, как мы можем судить, не было положительным: у Марциала неоднократно упоминается, что это забава для маленьких детей¹⁰⁴, хотя и достаточно безобидная¹⁰⁵, по его мнению, однако он же говорит, что «saepe tamen pueris abstulit illa natis» (Mart. XIV 19, 2) — то есть, что дети из-за неё бывают биты. Гораций же в Сатирах выражается куда категоричнее:

aedificare casas, plostello adiungere muris,
ludere par inpar, equitare in harundine longa
siquem delectet barbatum, amentia verset. (Hor. Sat. II, 3, 247—249)

Строить домики, привязывать мышей к колясочке,
Играть в чёт-нечет, ездить верхом на длинной палке —
Если это забавляет кого-то, у кого уже есть борода, он, пожалуй,
безумен.

¹⁰⁴ Mart. XIV 19; 185

¹⁰⁵ Mart. XIII 1

§4. Игра в дельту

Fit quoque de creta qualem caeleste figuram

Sidus et in Graecis littera quarta gerit;

Haec ubi distincta est gradibus, qui constitit extra,

Quot tetigit virga, tot capit ille nuces.

Также мелом рисуется (такая фигура), какую форму имеет

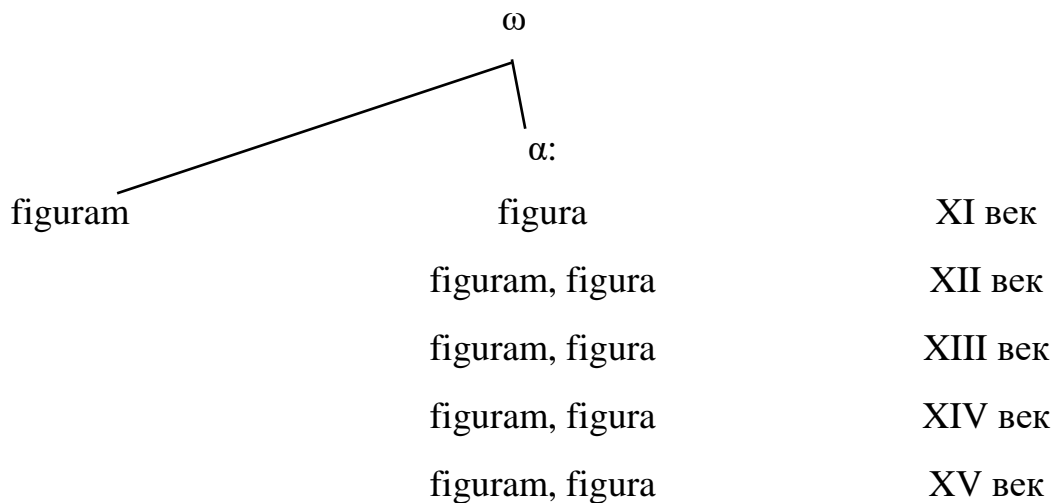
Небесное светило и четвёртая буква среди греческих;

Когда она размечена линиями, тот, кто стоит снаружи,

Получит столько орехов, сколько тронет палкой.

Строка 81, открывающая описание пятой игры, содержит разночтение, вызвавшее жаркий спор исследователей. Часть рукописей, включая авторитетные рукописи F и миланскую 225, содержат вариант *figuram*, поддерживаемый также большинством издателей, начиная с Эразма, в остальных же стоит *figura*.

Если мы распределим эти варианты по стемме, то получим следующее:

Вариант *figuram* очень устойчив в традиции и встречается не только в отдельно стоящей рукописи F, но и во многих манускриптах семейства α , что даёт нам все основания предполагать, что и в архетипе стояло именно оно.

Ни один, ни другой вариант, нельзя с полной уверенностью назвать грамматически неверным или неметрическим, эта вариативность почти не влияет на смысл: при принятии варианта *figuram* дистих переводится так: «Также мелом рисуется (такая фигура), каковую форму имеет небесное созвездие и четвёртая буква среди греческих», при принятии же варианта *figura* перевод будет таким: «Также мелом рисуется фигура, какую имеет небесное созвездие и четвёртая буква среди греческих».

Основной обсуждаемой проблемой относительно этих вариантов является стилистическая допустимость второго из них. Ганценмюллер кратко замечает, что «*figura* — это лингвистический ужас, на который не должен отваживаться даже поэт»¹⁰⁶. Он также добавляет, что предпринятая Беренсом, придерживающимся варианта *figura*, попытка исправить ситуацию с помощью пунктуации¹⁰⁷, наивна и не делает этот вариант более приемлемым.

Более пространный комментарий своей позиции даёт Вартена. Он утверждает, что при принятии варианта *figura* возникает недопустимый гипербатон, а в пользу варианта *figuram* приводит строку из «Метаморфоз» как параллельную: *cecidere manu, quas legerat herbas* (Met. XIV 350)¹⁰⁸.

С их позицией полемизирует Пулбрук. Он убеждён, что вариант *figuram* был принят большинством издателей по той причине, что именно этот вариант содержится в рукописи F. Сам же он называет этот вариант обычной параблептической ошибкой. Возражая Вартене, он также утверждает, что во многих рукописях «Метаморфоз» в приведённой в пример строке 350 вместо

¹⁰⁶ «*Figura* ist eine sprachliche Ungeheuerlichkeit, die auch ein Dichter nicht wagen durfte». — Ganzenmüller C. op. cit. p. 14

¹⁰⁷ Беренс предлагает расставить знаки препинания в строке 81 следующим образом: *fit quoque de creta, qualem caeleste, figura, // sidus ...* (Baehrens E. Poetae Latini Minores p. 93)

¹⁰⁸ Wartena, S. op. cit. p. 65

herbas стоит *herbae*, которое является более верным в контексте, который Вартена рассмотрел недостаточно подробно, и на самом деле указанные им строки должны читаться следующим образом: «*obstipuit: cecidere manu, quas legerat, herbae, // flammaque per totas visa est errare medullas*». По мнению Пулбрука, вариант *figura*, как и *herbae* в «Метаморфозах», был неверно прочитан переписчиком из-за близости других слов, стоящих в аккузативе (*qualem* в случае с *figura* и *quas* и *medullas* в случае с *herbae*)¹⁰⁹. Мы, впрочем, полагаем, что принятие варианта *figura* излишне усложняет синтаксис предложения.

В никаких других источниках игра в дельту не упоминается, не сохранились также и изображения её, а потому правила можно восстановить лишь по описанию в нашей элегии.

Правилам игры в дельту было предложено три объяснения, которые сходятся лишь в том, что до начала игры на земле изображали треугольник, расчерченный линиями (Рис. 4). Причина различий между этими объяснениями — прочтение одного из слов в строке 84. Эразм, следуя варианту, принятому изданием, которым он пользовался, составляя свой комментарий, придерживается чтения *virga*, двумя же другими комментаторами — Бартом и Зентлебом, цитаты из трудов которых сохранил в своём издании Бурманн — были предложены конъектуры, существенно изменяющие смысл последнего дистиха — Барт предложил вместо *virga* читать *virgo*, Зентлеб же настаивал на том, что *virga* необходимо заменить на *virgas*¹¹⁰.

По версии Эразма, правила игры в дельту были таковы: перед началом игры дети рисовали на земле треугольник, расчерчивали его внутри линиями (*gradibus*), расставляли на этих линиях орехи, и ребёнок, встававший в центр

¹⁰⁹ Pulbrook R. M. op. cit. pp. 91—92

¹¹⁰ Becq de Fouquieres L. op. cit. p. 120

треугольника, должен был с помощью палки сбивать орехи с линий, и получал в награду те, что сбивал¹¹¹.

Барт, предложивший конъектуру *virgo*, настаивал на том, что это девичья игра: «До сих пор описывались игры, в которые играют мальчики, теперь же автор предлагает другой вариант девичьей игры: изображается греческая «дельта», или же треугольная форма, которую имеет созвездие Дельты, в середине его встаёт девочка с завязанными глазами, сам же треугольник расчерчивается линиями, на них ставятся орехи, которые она выигрывала, касаясь их палочкой»¹¹².

Объяснение Барта не устроило другого комментатора — Зентлеба. Он предложил другую конъектуру — *virgas*. По его мнению, после того, как размеченный линиями треугольник был нарисован, дети, не пользуясь никакими палочками, вставляли у параллельного линиям основания треугольника и катили орехи по земле, смысл же игры заключался в том, чтобы орех пересёк как можно больше полос, то есть, согласно Зентлебу, *virgas*, не покинув при этом большого треугольника. Игрок же получал в награду столько же орехов, сколько полос пересекал брошенный им¹¹³.

Долгое время именно мнение Зентлеба по этому вопросу считалось самым авторитетным: Бек де Фукиер замечает, что его объяснение правил игры в дельту является единственным правдоподобным¹¹⁴, соглашается с ним и Вартена, добавляя от себя, что эта игра похожа на современную игру в классики¹¹⁵, а Хуг в своей статье об играх, поясняя правила игры в дельту,

¹¹¹ Erasmus op. cit. p. 165

¹¹² Publii Ovidii Nasonis Opera Omnia cum notis integris vol. 1// ed. P. Burmann, Amstelodami, 1727 p. 835

¹¹³ Publii Ovidii Nasonis Opera Omnia cum notis integris vol. 1// ed. P. Burmann, Amstelodami, 1727 p. 836

¹¹⁴ Becq de Fouquieres L. op. cit. p. 120

¹¹⁵ Wartena S. op. cit. p. 65

также приводит предложенный Зентлебом вариант¹¹⁶. Этой же позиции придерживаются все издатели текста «Орешника», начиная с Бурманна.

Виламовитц, также принявший конъектуру Зентлеба, сравнивает игру в дельту с другой похожей, по его мнению, на неё игрой, которая называлась ὄμιλλα¹¹⁷. Упоминаний об этой игре в дошедшей до нас художественной литературе нет, однако о ней упоминают словарь Суды, Поллукс и автор схолий к платоновскому диалогу «Лисис». Однако, судя по всему, даже им было немного известно об этой игре, и все они сходятся на том, что основной её принцип заключался в том, что перед началом игры на земле чертили круг и бросали в него кости, камушки или орехи, победителем же выходил тот, чей снаряд оставался внутри круга^{118, 119, 120}. До нас также дошла терракота, изображающая занятых этой игрой детей (Рис. 5).

Пулбрук, однако, вступает в полемику со своими предшественниками. Он убеждён, что вариант *virga* вовсе не требовал исправления, а принятая издателями конъектура Зентлеба ведёт к неверному пониманию смысла игры. Он считает, что наиболее близок к верному представлению правил игры в дельту был Эразм, и соглашается с тем, что целью игры было сбивание орехов с начерченных линий при помощи палки. Пулбрук приводит примеры параллельных мест из других произведений Овидия, показывающих, что выражение *tangere virga* было вполне обычным для него¹²¹.

Единственный момент, в котором версия правил игры Пулбрука расходится с версией Эразма, состоит в том, что Пулбрук, не будучи способным, по его собственным словам, понять смысл слова *intus* в 83 строке, предлагает конъектуру *extra*, тем самым делая правила игры наиболее

¹¹⁶ Hug. A. op. cit. sp. 1769

¹¹⁷ Wilamowitz-Moellendorf U. v. op. cit. p. 241

¹¹⁸ Bekker I. Suidae Lexicon// Berolini, 1854, p. 176

¹¹⁹ Pollux IX, 102

¹²⁰ Bekker I. In Platonem a se editum commentaria critica vol. 2 // Berolini, 1823 p. 320

¹²¹ Pulbrook R. M. op. cit. p. 92

понятными, на наш взгляд. Он пишет, что, поскольку внутренность треугольника размечена линиями, логично предположить, игрок должен стоять снаружи и именно из такого положения стараться сбить орехи с линий при помощи палки¹²².

Мы склонны скорее согласиться с мнением Пулбрука по данному вопросу. Во-первых, мы также не видим оснований для неожиданной смены терминологии (строкой выше линии, которыми разделяется внутренность треугольника, названы *gradus*). Во-вторых, слово *virga* имеет значение «полоса» в основном по отношению к одежде¹²³ и вряд ли применимо к этой игре в значении «линия, нарисованная на земле». В-третьих, что даже отмечает Бек де Фукьер¹²⁴, вариант *quot ... virgas, tot ... nuces* является *lectio facilior*, так как сохраняет параллелизм, и ему следует предпочесть более сложное чтение.

¹²² *Pulbrook R. M. ibidem*

¹²³ Например, *virgae purpureae* (Ov. A. A. III, 269) — «пурпурные полоски» на одежде; прилагательное *virgatus* («полосатый») также обычно относится к предметам одежды — *virgatis sagulis* — «в полосатых плащах» (Verg. A. VIII, 660), *virgata nurus* — «молодая женщина в полосатых одеждах» (Val. Fl. II, 159) — или к животным — *virgatas tigres* — «полосатых тигриц» (Sen. Phaedr. 344)

¹²⁴ *Becq de Fouquieres L. op. cit. p. 120*

§5. Трѳпа

Vas quoque saepe cavum spatio distante locatur,

In quod missa levi nix cadat usque mani.

Также в некотором отдалении ставится пустой сосуд,

В который орех падает, пущенный лёгкой рукой.

В строках 85—86 описана ещё одна известная игра, по-гречески называвшаяся трѳпа. Самое краткое её описание содержится в схолиях к диалогу Платона «Лисис»: «Трѳпа — это бросок в яму с некоторого расстояния»¹²⁵. Согласно Поллукусу, правила её были таковы ¹²⁶: «Есть также игра, которая называется трѳпа, обычно в неё играют с помощью костей, которые игроки бросают в яму, выкопанную достаточно большой по размеру. Иногда вместо костей игроки используют жѳлуди и орехи». Целью игры, очевидно, было попасть своим снарядом в яму чаще, чем соперники¹²⁷. Эразм также добавляет, что победитель уносил все орехи¹²⁸.

В Риме для этой игры, судя по всему, чаще использовали не яму, а какой-нибудь ненужный сосуд, как и описывается в нашем стихотворении. Упоминание об этом есть и в одной из сатир Персия¹²⁹, также до нас дошло изображение на ойнохое, на котором мы видим двух детей, готовящихся играть в эту игру (Рис. 6).

На этом, впрочем, различия греческой и римской версиями этой игры не заканчивались. Основываясь на другом изображении, на котором мы видим

¹²⁵ Bekker I. In Platonem a se editum commentaria critica p. 320

¹²⁶ Pollux IX, 103

¹²⁷ Becq de Fouquieres L. op. cit. p. 115

¹²⁸ Erasmus op. cit. p. 165

¹²⁹ scire erat in voto, damnosa canicula quantum // raderet, angustae collo non fallier orcae... (Sat. III, 49—50) — «Хотелось знать, сколько заберѳт проклятая собака, как не промахнуться мимо узкого горла сосуда...»

троих юношей, увлечённых игрой в трóла (Рис. 7), и археологических находках — на ступенях самых разных храмов часто обнаруживается множество ямок, явно сделанных нарочно (на это указывает их расположение по прямой), Фитта делает вывод, что игра в трóла чем-то напоминала минигольф: кости — или же камушки, или орехи — необходимо было прокатить так, чтобы они попали во все ямки по очереди. На рис. 6 мы видим, как один из юношей готовится совершить бросок, остальные же двое наблюдают за ним, и они должны решить, попал снаряд в ямку или нет¹³⁰.

Фитта также предполагает, что в трóла играли не только дети, но и взрослые, для чего была придумана усложнённая версия игры, что подтверждает одна любопытная археологическая находка—пластина, на которой выбито в общей сложности шестнадцать лунок, пятнадцать из которых расположены на некотором расстоянии от шестнадцатой, отделены от неё прямой линией и сами также расположены в определённом порядке на параллельных друг другу линиях¹³¹. Хуг также замечает, ссылаясь на Марциала¹³², что в эту игру, так же, как в чёт-нечет, могли играть на деньги, однако этому нет достаточного подтверждения.

¹³⁰ *Fitta M. op. cit. p. 11—12*

¹³¹ *Fitta M. ibidem*

¹³² *dum blanda vagus alea December // <...> // et ludit tropha nequiore talo... (Mart. IV. 14, 8—10) — «Пока непостоянный в соблазнительной игре декабрь <...> и играет в трóла негодной костью».*

Заключение

Подводя итоги проделанной работы, приведём основные выводы, к которым нас привело исследование.

Вопреки утверждениям современных исследователей о том, что при настолько испорченной рукописной традиции совершенно бесполезны попытки восстановить стемму рукописей и установить чтение архетипа, нам удалось это сделать в некоторых вызывающих затруднения местах.

Правила игры с разламыванием кожуры ореха были правильно поняты большинством исследователей, однако никто из них не учёл, что в этой игре разламывалась не твёрдая скорлупа ореха, а его мягкая зелёная кожица.

Правила *ludus castellorum* также в основном поняты без ошибок, не считая заблуждений Виламовитца, вызванных использованием содержащей ошибку в этом месте рукописи. Игра реконструируется следующим образом: четыре ореха складываются в башенку, задача игрока — разрушить башенку, бросив в неё с некоторого расстояния ещё один орех.

Предложенное Пулбруком объяснение игры с наклонной плоскостью, безусловно, новаторское и интересное, однако мы придерживаемся традиционного толкования и полагаем, что целью этой игры было сбить один или несколько расположенных на земле орехов, спустив вниз по наклонной плоскости другой орех.

Правила игры в чёт-нечёт предельно просты: один из игроков тайком — иногда пользуясь для этого корзинкой — от оппонента брал в руку некоторое число орехов и спрашивал, чётное их число у него в руке или нечётное. В этой игре также можно было попытаться обмануть оппонента, сделав вид, будто орехов в руке куда больше или куда меньше, чем на самом деле, и заставить его ошибиться.

Правила игры в дельту можно реконструировать так: перед началом игры на земле рисовали треугольник, размечали его параллельными основанию линиями и раскладывали на них орехи, задачей игрока было сбить как можно больше орехов при помощи палки, стоя снаружи треугольника.

Мы также проанализировали различия между греческим и римским вариантами игры *трóла*, установив, что греческий вариант в самой сложной его форме больше напоминал минигольф, а римский был существенно проще и заключался в том, чтобы попасть орехом в поставленный в отдалении сосуд, не промахнувшись.

Элегия «Орешник», несомненно, требует дальнейшего текстологического исследования в других аспектах, не касающихся детских игр.

Список использованной литературы

I) Издания «Орешника» (в хронологическом порядке):

- 1) *Publii Ovidii Nasonis Opera Omnia cum notis integris* / ed. P. Burmannus. Vol. 1. Amstelodami, 1727.
- 2) *Wilamowitz-Moellendorff U. v. Liber Nucis (1877)* // *Kleine Schriften*. Bd 2. Berlin, 1971. S. 231–245.
- 3) *Poetae Latini Minores* / Ed. E. Baehrens. Vol. 1. Lipsiae, 1879.
- 4) *Ganzenmuller C. Die Elegie Nux und ihr Verfasser*. Tübingen, 1910.
- 5) *Wartena S. Nux Elegia*. Groningae, 1928.
- 6) *Pulbrook R. M. (ed.) Ovid: Nux*. Maynooth, 1985.

II) Научная литература:

- 1) *Becq de Fouquieres L. Les jeux des anciens*. Paris, 1869.
- 2) *C. Suetonius Tranquillus cum notis integris* / Ed. P. Burmannus. Vol. 1. Amstelodami, 1736.
- 3) *Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami recognita et adnotatione critica instructa notisque illustrata*. Vol. 1. Amsterdam, 1969.
- 4) *Fittà M. Spiele und Spielzeug in der Antike: Unterhaltung und Vergnügen im Altertum / Aus dem Ital. übers. von C. Homann*. Stuttgart, 1998.
- 5) *Fowler B. H. The Hellenistic Aesthetic*. Bristol, 1989.
- 6) *Hehn V. Kulturpflanzen und Haustiere <...>* / Hrsg. von O. Schrader, Berlin. 1902.
- 7) *Herter H. Das Kind im Zeitalter des Hellenismus* // *Bonner Jahrbücher*. 1927. Bd 132. S. 250–258.
- 8) *Hug A. Spiele* // *RE*. Bd 3A (1929). Sp. 1762–1774.

- 9) *Lee A. G.* The Authorship of the *Nux* // *Ovidiana: Recherches sur Ovide* / Éd. par N. Herescu. Paris, 1958. P. 457–471.
- 10) *Lauffer B.* *Sino-Iranica*. Chicago, 1919.
- 11) *Lenz F. W.* *Nux* // *RE*. Bd 17 (1937). Sp. 1502–1508.
- 12) *Neri C.* Cambio di ritmo: *Erinna* SH. 401. 14 sqq. e *Carm. pop.* fr. 30 (c) // *Prometheus*. 1998. Vol. 24. P. 19–24.
- 13) *Reeve M. D.* Ovid or an Imitator? // *Classical Review*. 1987. N. s. Vol. 37. P. 19–21.
- 14) *Richmond J.* Doubtful Works Ascribed to Ovid // *ANRW*. Bd II, 31, 4 (1981). S. 2744–2783.
- 15) *Schneider K.* *Iuglans* // *RE*. Bd 9 (1916). Sp. 2508.
- 16) *Tarrant R. J.* *Nux* // *Texts and Transmission* / Ed. L. D. Reynolds. Oxford, 1983. P. 295–296.

Приложение

Рис.1 — дети, играющие в ludus castellarum (детский саркофаг, III век н. э., найден у Аппиевой дороги, хранится в музее Ватикана)

Рис.2 — дети, играющие в игру с наклонной плоскостью (детский саркофаг, II в. н. э., хранится в музее Лувра)

Рис.3 — амуры, играющие в игру с наклонной плоскостью (крышка детского саркофага, конец III в. н. э., найден в еврейских катакомбах Vigna Randanini, хранится в Национальном Музее Рима)

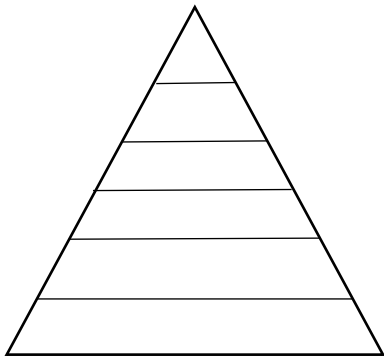

Рис. 4 — треугольное поле для игры в дельту

Рис. 5 — дети, играющие в ὄμιλλα (терракота, конец VI в. до н.э., Беотия, хранится в музее Лувра)

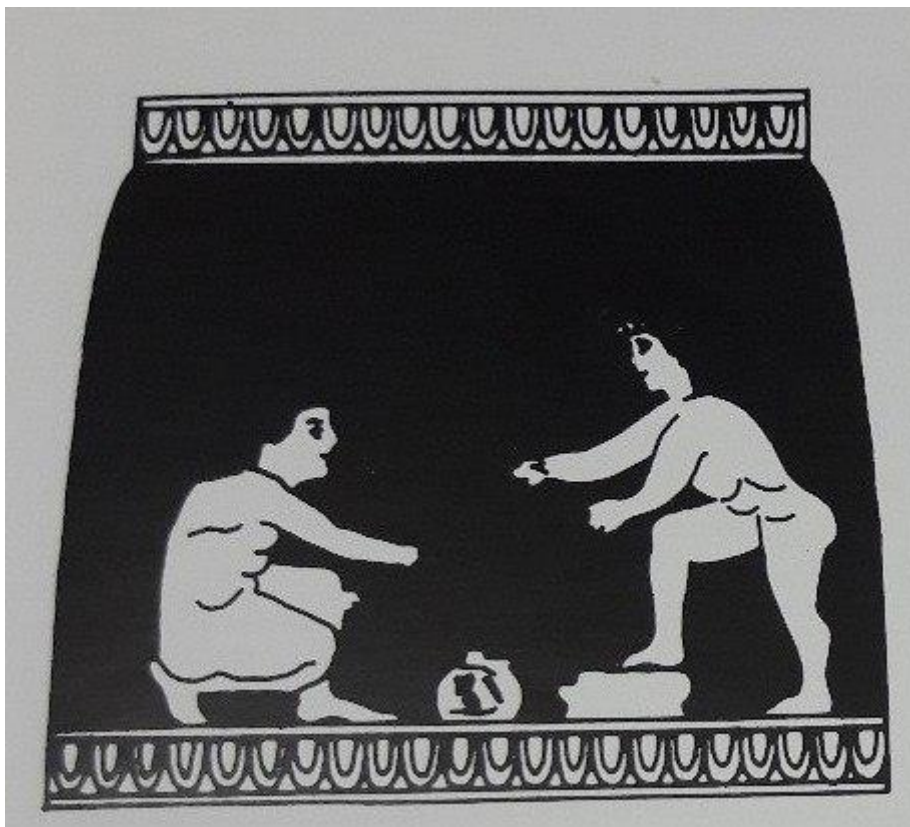

Рис. 6 — дети, играющие в трóла (рисунок на аттической краснофигурной вазе, V век до н.э.)

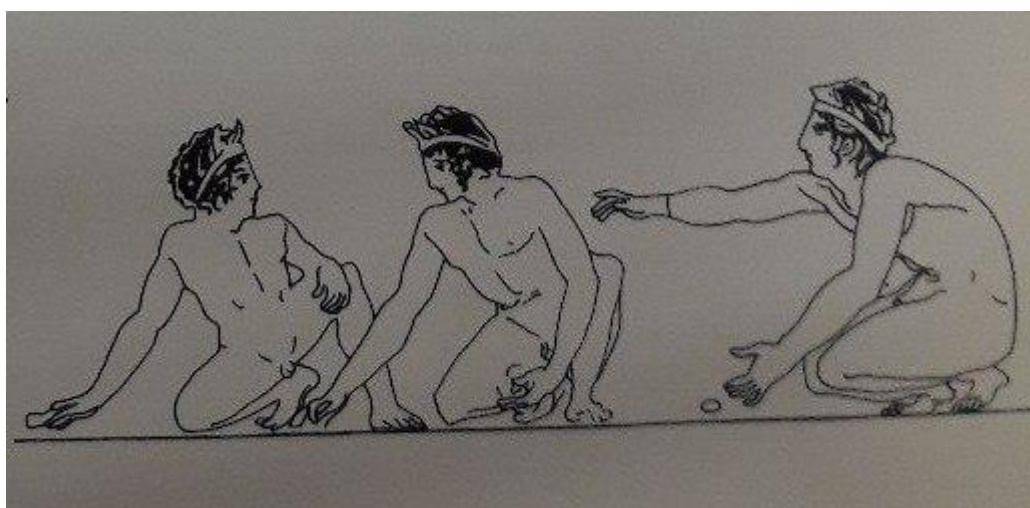

Рис. 7 — юноши, играющие в усложнённую версию трóла (рисунок на аттической краснофигурной вазе, примерно 420 г. до н. э.)